

Услышав этот шквал вопросов, Госпожа Юань на мгновение растерялась, не зная, что ответить.

Она слегка рассердилась: она же только что переключила внимание обоих мужчин, почему же разговор снова свернул в это русло?

Во всем виноват Тао Чжиянь!

Чего он вообще добивается?!

Госпожа Юань свирепо зыркнула на Тао Чжияня, готовая придушить его собственными руками.

Не имея возможности ответить на эти вопросы, она лишь схватила Фэн Чэна за руку:

— Чэн-чэн, это семейное дело, а сор из избы не выносят. Давай поговорим дома.

— Дома? — холодно усмехнулся Фэн Чэн и резким движением оттолкнул руку Госпожи Юань.

— Разве у меня остался дом?

— Меня выгнали, у меня больше нет дома, — Фэн Чэн, казалось, так долго сдерживался, что наконец прорвало плотину и хлынул поток эмоций. — Ты забыла?

— Почему ты не хочешь посмотреть правде в глаза и ответить на мой вопрос?

Даже увидев все собственными глазами, даже понимая, что любой здравомыслящий человек сразу догадался бы о природе отношений между Госпожой Юань и тем мужчиной, Фэн Чэн все равно отчаянно жаждал услышать от нее хоть какое-то оправдание.

Столкнувшись с подобным, Фэн Чэн, конечно, злился, но он не мог жить без Госпожи Юань.

Поэтому он думал: стоит ей только объяснить с ним и пообещать больше не видеться с тем человеком, как он сразу же простит ее.

Однако Госпожа Юань не стала этого делать. Слегка нахмурившись, она произнесла:

— Почему ты обязательно должен допрашивать меня перед таким количеством людей?

Фэн Чэн даже засомневался, не ослышался ли он:

— Я... я вовсе не допрашивал...

Он хотел оправдаться, но из-за подступивших к горлу эмоций язык переставал его слушать. Его голос дрогнул, сорвавшись на всхлип, а глаза наполнились глубокой болью:

— Ты же обещала быть со мной, быть только со мной... Почему? Почему ты предала меня?

Фэн Чэн был незаконнорожденным сыном, а это значило, что с самого рождения он ценился меньше любого другого человека.

Его мать была наркоманкой. Когда у нее не было денег на дозу, она постоянно избивала Фэн Чэна, каждый раз доводя до полусмерти, а потом фотографировала его и отправляла снимки Председателю Фэн, угрожая забить мальчика до смерти, если тот не пришлет денег!

Фэн Чэн несколько раз тайком убегал, чтобы молить отца о помощи, но в ответ его неизменно

возвращали обратно в этот ад.

Председатель Фэн давал деньги биологической матери и грозил ей суровыми предупреждениями, но никогда и словом не обмолвился о том, чтобы забрать Фэн Чэна к себе.

Поэтому Фэн Чэн ненавидел мать, ненавидел отца — ненавидел за то, что они не любили его, но все равно произвели на свет!

Пока однажды Фэн Чэн не встретил Госпожу Юань.

Она была всего на чуть-чуть старше его, но отдала ему почти всю свою нежность.

Она заботилась о нем, когда он болел, утешала после неудач и поддерживала, когда вся семья считала Фэн Чэна никчемным ничтожеством.

Казалось, кто-то по крупичкам заполняет пустоту, оставленную в его детстве.

Но чем все обернулось?

Неужели в конце концов все это оказалось лишь обманом?

Фэн Чэн больше не мог сдерживаться. Заливаясь слезами, он почти потерял рассудок:

— Зачем ты вообще это сделала?! Зачем поступила так за моей спиной?!

Госпожа Юань больше всего на свете терпеть не могла эту детскую истеричность Фэн Чэна: ничего толком не понимает, а лишь прет напролом со своим юношеским максимализмом.

Ну и что с того, что любит?

И что с того, что не любит?

Она изо дня в день нянчилась с ним, как с ребенком, сюсюкалась с Фэн Чэном целых три года! Она и так сделала всё возможное!

Какая женщина согласится провести всю жизнь с ничего не смыслящим мальчишкой?

— О чем ты вообще плачешь? — в сердце Госпожи Юань тоже закипело раздражение. — Чем я перед тобой виновата? В чем я повела себя недостаточно хорошо? Весь дом Фэн — ни единой души не было, кто бы смотрел на тебя с уважением, кроме меня! Только я жалела тебя! — Эмоции, копившиеся три года, наконец вырвались наружу, и она взревела: — Из-за чего ты вообще вечно обижаешься?!

Фэн Чэн от этого крика даже растерялся и беспомощно произнес: — Но ведь ты... ты же говорила, что любишь только меня...

Госпожа Юань потеряла дар речи, в ее глазах читалось крайнее отвращение, и наконец она холодно усмехнулась: — Фэн Чэн, когда же ты наконец повзрослеешь?

Любовь? Чего ради твоя любовь?

Когда мы были вместе, в чем я вела себя недостаточно хорошо? — Госпожа Юань в упор смотрела на Фэн Чэнь. Хотя виновата была явно она, сейчас она держалась с такой самоуверенной гордостью, будто была жертвой. — Разве я не выполняла обязанности любовницы? Разве я не спала с тобой и не потакала твоим прихотям?

Чего ты еще хочешь!

Зрители, собравшиеся ради бесплатного зрелища, от таких слов даже смутились — целая толпа стояла в коридоре, словно приговоренная к наказанию в углу.

Нет, эта госпожа Юань разве выражается не слишком прямолинейно?

К тому же, разве не она изменяла? С чего это она так самоуверенна и права?

Госпожа Юань, казалось, искренне не считала себя виноватой и вместо этого продолжала обвинять Фэн Чэня: — Я так хорошо к тебе относилась, а как ты теперь со мной поступаешь?

Ты привел столько людей, чтобы все вместе пришли посмотреть на мой позор? — Госпожа Юань указала на стоявших позади репортеров, ее пальцы дрожали, а покрасневшие глаза в упор смотрели на Фэн Чэня. — Посмотри на них! Ты позволил этой толпе сфотографировать меня с самой жалкой стороны, Фэн Чэн, ты хочешь меня уничтожить?

Глаза Фэн Чэня наполнились слезами, а на еще по-юношески наивном лице застыли боль и отчаяние.

Как она могла... как она могла подумать о нем такое?

Он никогда не хотел смотреть на ее позор, он просто хотел вернуть ей доброе имя!

Я не...

Да что не так? — Госпожа Юань перебила Фэн Чэня. — Не зря твоя мать била тебя, а отец недолюбливал — с тобой, просто невозможно вести диалог!

Ну и изменила я мужу, тебе обязательно нужно доводить меня до самоубийства?!

Как только эти слова сорвались с губ.

На площадке воцарилась тишина.

Что такое перекладывать вину с больной головы на здоровую? Вот это и есть перекладывание

вины с больной головы на здоровую!

Да еще и использовать чужую семью как орудие для нападения на самого же человека?!

Это уже слишком!

Тао Чжиянь смотрел на сжатые в кулаки руки Фэн Чэня и его покрасневшие глаза, а над его головой тем временем медленно всплыла строчка текста: [Через минуту объект собирается выброситься из окна.]

Госпожа Юань и Фэн Чэн были вместе три года, и Фэн Чэн почти все свои слабости открыл ей по очереди.

Но теперь эти слабости стали для госпожи Юань оружием, чтобы разить и высмеивать его.

Фэн Чэн не мог описать словами, что именно он чувствовал в этот момент — душевную боль или отчаяние.

С самого рождения он был тем, кого никто не признавал, и прожил больше двух десятков лет, ничего не добившись.

Теперь мать умерла, отца больше нет, а из семьи его выгнали из-за связи с госпожой Юань.

И теперь даже госпожа Юань считает его лишним человеком.

Есть ли вообще какой-то смысл продолжать жить?

Ты права, меня действительно не любили ни отец, ни мать, — Фэн Чэн утер слезы, прежняя ярость и боль утихли, и весь он стал невероятно спокойным. Ты говоришь всё это лишь потому, что я тебе глаза мозолю?

Мне что, умереть, чтобы ты успокоился?

Досказав это, Фэн Чэн глубоко вздохнул. В его взгляде промелькнуло мрачное безумие, и он неожиданно бросился к окну.

Все присутствующие затаили дыхание.

Тао Чжиянь, обладая молниеносной реакцией, бросился вперед и схватил Фэн Чэна.

Фэн Чэн, казалось, физически ощущал, как в его жилах закипает кровь, а в груди бушует огонь. Он отчаянно вырывался и орал: — Пусти меня! Черт тебя побери, пусти!

— Четвертый молодой господин, я не отпущу.

Если ты и вправду сиганешь отсюда вниз, то на пресс-конференции будут не разоблачения измен Госпожи Юань, а прощание с покойником, и тогда нам всем дружно придется ехать в полицейский участок писать объяснительные.

Затем Тао Чжиянь обернулся и посмотрел на Госпожу Юань: — Госпожа Юань, вам не кажется, что вы перегибаете палку?

— Прикрывать свои слабости чужими болевыми точками? — Тао Чжиянь впервые за долгое время убрал с лица улыбку, и в его голосе прозвучало скрытое раздражение. — Вы не находите, что это чересчур бесстыдно?

Госпожа Юань уставилась на Тао Чжияня: — А ты еще кто такой? С каких пор тебе позволено здесь открывать рот?

— Кто я такой — неважно, важно то, что из себя представляете вы, — Тао Чжиянь посмотрел на Госпожу Юань. — Какие бы отговорки вы ни придумывали, факт остается фактом: это вы всех обманули.

Мало того, что предали Председателя Фэна, так еще и предали четвертого молодого господина. — С этими словами Тао Чжиянь бросил взгляд на мужчину с короткой стрижкой. — И этого господина тоже.

Если вы не любили четвертого молодого господина, зачем тогда вообще заигрывали с ним с самого начала? — Тао Чжиянь нахмурился. — Или вы решили, что раз глава семьи не собирается признавать вас официально, то четвертый молодой господин — легкая мишень, и попытались использовать его, чтобы прибрать к рукам семейное состояние?

Вопросы Тао Чжияня были настолько резкими, что Госпожа Юань поперхнулась и не нашла, что ответить.

Толпа зевак, наблюдавшая за драмой, тоже не выдержала и принялась возмущаться: — Верно! Ты изначально изменила ему, с чего вдруг у тебя такой тон?

— Как ни крути, а факт измены налицо!

— И как вообще расценивать то, что ты публично кувыркаешься с другим? Хотите ссориться — ссорьтесь, зачем переходить на личности и оскорблять его семью?

Госпожа Юань явно перешла все границы, вызвав всеобщее негодование, и люди наперебой принялись клеймить ее за аморальность.

Всегда красноречивая Госпожа Юань сейчас покраснела до корней волос и не могла вымолвить ни слова.

Услышав, как столько людей заступаются за него, Фэн Чэн почувствовал, как в носу защипало. Он закусил губу, и слезы снова неконтролируемо потекли по щекам.

Тао Чжиянь вздохнул и протянул руку, стирая с лица Фэн Чэна дорожки слез.

Фэн Чэн сейчас выглядел совершенно разбитым. Его лицо покраснелось, он изо всех сил закусывал губу, отвернув голову в сторону.

Он плакал навзрыд, задыхаясь, точь-в-точь как брошенный бездомный щенок.

— Какой еще тон? Я ему мать родная или отец? — Госпожа Юань задрала подбородок, упорно отказываясь признавать свою вину — ее гордость просто не позволяла ей склонить голову.

Да и в конце концов, ну и что с того, что она изменила?

Измена — это ее личное дело, и всяким тут не позволено тыкать в нее пальцем!

Поняв это, Госпожа Юань даже почувствовала некоторую злость на Фэн Чэна. Все это унижение перед лицом стольких людей — исключительно его вина! — Фэн Чэн, чего ты вообще разнюнился?

Обиженно тебе, да? Отлично, я разрываю с тобой отношения прямо сейчас!

Порву с тобой, и это больше не будет считаться изменой!

Фэн Чэн резко поднял голову и неверующим взглядом уставился на Госпожу Юань.

Взгляд Госпожи Юань был полон такой ядовитой злобы, что, казалось, мог прожечь Фэн Чэна насквозь: — Ты привел сюда столько народу, чтобы публично оскорбить меня, — я тебе еще припомню этот счет!

С этими словами она схватила за руку стоявшего рядом мужчину с короткой стрижкой и бросила: — Любимый! Уходим!

Мужчина с короткой стрижкой не сдвинулся с места.

Он ведь не Фэн Чэн, ему уже за сорок.

Он жаждал любви, но соображать головой тоже умел.

Он всего лишь бесправный и нищий работяга, недостойный такой женщины, которая рвется в высший свет.

Мужчина с короткой стрижкой изначально думал, что стоит лишь помочь Госпоже Юань избавиться от Председателя Фэна, как он сможет занять его место.

Но реальность показала: это невозможно.

Лишившись мужа, Госпожа Юань тут же переключилась на Фэн Чэна, а не станет Фэн Чэна — очередь до него всё равно не дойдет. Амбиции Госпожи Юань слишком велики, и для нее он — всего лишь пешка в человеческом обличье.

— Хватит, — сообразив это, мужчина с короткой стрижкой оттолкнул руку Госпожи Юань. Как ни было больно, он произнес: — Давай разойдемся миром.

Госпожа Юань недоверчиво уставилась на него: — Что ты имеешь в виду? Хочешь бросить меня?

Сердце Госпожи Юань бешено заколотилось.

Она никак не могла допустить разрыва с этим мужиком, иначе что делать, если он сболтнет лишнего об их совместном убийстве Председателя Фэна?!

Мужчина с короткой стрижкой, разумеется, прекрасно прочитал панику в глазах Госпожи

Юань.

Поэтому страшила ее вовсе не разлука как таковая, а угроза собственной репутации.

Хотя на душе скребли кошки, мужчина не стал слишком сильно предаваться эмоциям: — Тайное стало явным, мне от этого тоже никакой пользы. Давай каждый пойдет своей дорогой, на этом и закончим.

Госпожа Юань в страшном сне не могла представить, что ее бросит какой-то закомплексованный нищий мужик!

Она скрипела зубами, но не смела сказать ничего резкого, лишь злобно зыркнула на него: — Ты у меня еще пожалеешь!

С этими словами она круто развернулась, намереваясь сбежать из этого зловещего места.

Женщина с независимым и гордым видом дошла до поворота.

Внезапно на лестнице появились плотные ряды людей в черных костюмах, преграждая Госпоже Юань путь.

Лицо Госпожи Юань мгновенно переменилось. Охваченная дурным предчувствием, она завизжала, требуя убратся с дороги.

Однако телохранители в черном без церемоний шагнули вперед и скрутили ее.

Мужчина с короткой стрижкой испуганно бросился на помощь, но из темноты вынырнула вторая волна охранников и в мгновение ока обездвижила его самого.

Вокруг поднялся шум. Помощник Фэн Цзэ вышел из толпы, окинул взглядом собравшуюся элиту и с улыбкой поинтересовался: — Ну что, уважаемые, насладились зрелищем?

Сливки общества выглядели ошеломленными.

Тогда помощник слегка отступил в сторону, делая приглашающий жест: — Кому мало — не расходитесь. На этот раз мы гарантируем полное удовлетворение.

— Прошу за мной на первый этаж, сейчас начнется вторая серия нашего представления, — с улыбкой анонсировал помощник. — Название второго акта: О том, как она со своим любовником мужа убивала.

<http://bllate.org/book/22428/2354950>